

ОБЗОР “КРУГЛОГО СТОЛА” ЖУРНАЛОВ “ГОСУДАРСТВО И ПРАВО”, “ПРАВОВАЯ ПОЛИТИКА И ПРАВОВАЯ ЖИЗНЬ”, «ВЕКТОР НАУКИ ТГУ. СЕРИЯ “ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ”» НА ТЕМУ “ПРАВОВАЯ ПОЛИТИКА В СФЕРЕ ЮРИДИЧЕСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ И НАКАЗАНИЙ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ”¹

4 апреля 2012 г. в Тольяттинском государственном университете прошел “круглый стол” журналов “Государство и право”, “Правовая политика и правовая жизнь”, «Вектор науки ТГУ. Серия “Юридические науки”» на тему “Правовая политика в сфере юридической ответственности и наказаний в современной России”.

В своем выступлении ведущий “круглого стола” – директор Саратовского филиала Института государства и права РАН, доктор юрид. наук, проф., заслуженный деятель науки РФ, главный редактор журнала “Правовая политика и правовая жизнь” А.В. Малько отметил, что особую значимость в последнее время приобретает карательная правовая политика (другими словами, *правовая политика в сфере наказаний*). Сейчас, как известно, осуществляется реформа системы наказаний: одни правовые наказания смягчаются, другие – ужесточаются, третьи – устанавливаются, четвертые – отменяются. Происходит перегруппировка средств наказаний в силу изменения нашей жизнедеятельности, свершившихся реалий.

Для того чтобы подобная реформа проходила результативно и отвечала вызовам времени, необходима правовая политика в означенной сфере, которая, без сомнения, внесет элементы научной обоснованности, последовательности, системности в названный процесс.

Правовое наказание есть форма и мера юридического осуждения (порицания) виновного, противоправного поведения, в результате которого субъект в чем-то обязательно ограничивается, чего-то лишается. Признаками рассматриваемого понятия выступают, во-первых, наказание – это вид правового ограничения (родовой признак); во-вторых, оно применяется к виновному лицу за совершение им правонарушения (видовое отличие); в-третьих, это – мера государственного принуждения; в-четвертых, особая процессуальная форма применения наказания; в-пятых, оценка совершенного правонарушения и его осуждение в рамках назначения наказания; в-шестых, специальное закрепление его в нормах права.

Вместе с тем, важно исходить из понимания наказания как общеправовой категории, теория которой, в отличие от теории юридической ответственности, пока еще не разработана. Проблема наказаний весьма основательно исследована лишь в уголовном и административном праве.

Отсюда первое, что нужно сделать в формировании правовой политики в сфере наказаний, – разработать общую

теорию правовых наказаний, что вполне вписывается в доктринальную форму реализации названной политики.

Однако для создания соответствующей теории правовых наказаний, важно, чтобы подобными проблемами занимались не только теоретики права, но и ученые-отраслевники, в частности специалисты по уголовному, административному, гражданскому и иным отраслям права.

На уровне общей теории права все больше возникает потребность в выстраивании модели системы правовых наказаний, так или иначе включающей в себя все иные отраслевые системы наказаний. Такую систему правовых наказаний можно определить как упорядоченную совокупность уголовной, административной, гражданской, дисциплинарной и иных подсистем наказания, связанных между собой и применяемых в единых целях. Следовательно, система правовых наказаний как модель состоит из следующих элементов (подсистем): уголовной, административной, гражданской, дисциплинарной, процессуальной и т.д.

Важно лишь, чтобы законодатель рассматривал их как систему, а не как простой перечень тех или иных видов наказаний, чтобы проводилась научно обоснованная, последовательная и системная деятельность государственных органов и институтов гражданского общества в данной сфере, т.е. формировалась соответствующая правовая политика.

В выступлении на тему “*Ответственность и безответственность*” директор Института права Тольяттинского госуниверситета, доктор юрид. наук, проф. Р.Л. Хачатуров подчеркнул, что грань между ответственным и безответственным поведением проходит по линии, противоположной не только нравственной и юридической оценкам, но и социальной значимости поведения.

Всякая деятельность предполагает, что субъект этой деятельности считает ее наиболее целесообразной, но в то же время она должна согласовываться с интересами общества, отвечать объективным закономерностям его развития. Совершая какие-либо действия, лицо должно сознавать или иметь возможность сознавать последствия своей деятельности и быть в состоянии объяснить обществу, отдельным людям и самому себе смысл и значение своих поступков. В этом суть и позитивной, и негативной ответственности.

В сфере общественных отношений критериями определения соотношения между необходимостью и свободой воли личности являются, с одной стороны, предписания социальных норм, а с другой – поведение (действие или бездействие) конкретной личности. Так как поведение имеет две полярные разновидности, то в любом социальном общении это соотношение может иметь двоякий характер: позитивный –

¹ Обзор подготовлен при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ (“Система наказаний в российском законодательстве: общетеоретический анализ и проблемы модернизации”), проект № 11-03-00506а.

в случае если поведение субъекта общественных отношений согласуется с требованиями соответствующих социальных норм; негативный – если субъект нарушает эти требования. Отсюда – ответственность можно рассматривать в двух аспектах: позитивном и негативном.

Позитивная ответственность проявляется как долг, обязанность субъекта действовать в соответствии с требованиями социальных норм. Негативная ответственность представляет собой обязанность субъекта претерпевать лишения за нарушение предписаний социальных норм. В механизме нормативного регулирования общественных отношений негативная и позитивная формы ответственности способствуют достижению единой цели – регулированию и поддержанию общественного порядка.

Позитивная ответственность имеет созидательный характер и играет главенствующую роль. Негативная ответственность представляет собой временное явление, поскольку возникает в связи с нарушениями требований социальных норм. Между позитивной и негативной ответственностью имеются неразрывные связи, хотя ответственность в позитивном смысле имеет активный аспект – строгое осуществление социальных обязанностей, поэтому в своем юридическом значении относится к правосознанию, правопорядку, законности; ее роднит с негативной ответственностью то, что оба указанных явления тесно связаны с нравственно-психической характеристикой поведения людей.

Юридическая ответственность, как и другие виды социальной ответственности, едина. “Позитивная” и “ретроспективная” ответственности есть добровольная и принудительная формы реализации юридической ответственности, которая призвана отразить взаимосвязь диспозиции и санкции правовой нормы, позитивной юридической обязанности и меры государственного принуждения, поскольку они должны обеспечить должное, ответственное поведение субъектов права. Ретроспективная ответственность без позитивной бессмысленна, а позитивная правовая ответственность без ретроспективной беззащитна, поскольку не имеет своего обеспечения. “Граница” позитивной и негативной социальной ответственности нарушается конкретным поведением субъекта общественных отношений. “Межа” позитивной и ретроспективной правовой ответственности нарушается конкретным противоправным поведением субъекта права, которое вызывает конфликтную ситуацию, необходимость государственного вмешательства и применения принуждения для восстановления правопорядка и ликвидации конфликта.

Цель политики, в частности и правовой, должна заключаться в том, чтобы гарантировать безопасность граждан, обеспечить их спокойный и творческий труд. Демократизация общественных отношений вовсе не означает ослабления борьбы с преступностью и допустимости либерального отношения к тем, кто совершает преступление. Безответственность правонарушителей приведет к дальнейшему росту преступности в стране.

В докладе *“Уголовная политика Российского государства в свете последних законодательных изменений”* проректор по научной работе Самарской гуманитарной академии, доктор юрид. наук, проф. В.К. Дуюнов обратил внимание на то, что анализ многочисленных изменений, внесенных в последние годы в российское уголовное законодательство, направленных, как принято считать, на его либерализацию и обеспечение большей дифференциации уголовной ответственности, производит неоднозначное впечатление. С одной стороны, динамизм законодательных изменений, стремление законодателя своевременно и жестко реагировать на крими-

нальные проявления, сократить “тюремное население”, поиск более оптимальных форм реагирования на преступления, с другой – противоречивость и непоследовательность принимаемых решений, в ряде случаев идущих вразрез со сложившейся системностью уголовного права и противоречащих уголовно-правовой доктрине, целям и принципам, положенным в основание УК РФ 1996 г. Все это наводит на мысль об отсутствии у нашего государства научно обоснованной и грамотно реализуемой уголовной политики.

Вряд ли можно признать удачными, продуманными и достаточно обоснованными, например, законодательные решения, связанные с неоднократными изменениями правового регулирования рецидива преступлений, конфискации имущества, ограничения свободы, исправительных и принудительных работ, исключение нижних пределов санкций из целого ряда статей УК РФ, открывающее широкий простор субъективному усмотрению и коррупции, исключение признака “заведомости” из числа обязательных признаков ряда составов преступлений, установление противоречащего принятому в отечественной доктрине учению о соучастии и его нормативному закреплению в ст. 32 и 33 УК РФ, а также и принципу вины определения понятия пособничества (п. 1.1 примечания к ст. 205¹ УК РФ), законодательные новеллы, касающиеся криминализации ряда деяний (например, “экстремистской направленности”), либо, напротив, их декриминализации (товарная контрабанда, например), и др. При этом характерно, что целый ряд внесенных в последние годы изменений просуществовал непродолжительное время, некоторые – буквально месяцы (ст. 229.1 УК РФ, например, введена 7 декабря 2011 г., а уже 1 марта 2012 г. в нее внесены изменения).

Динамизм законодательных изменений, который можно было бы отнести к достоинствам законотворческой деятельности, в таких случаях, когда принимаются решения недостаточно продуманные, противоречивые, не обоснованные социальными изменениями и не опирающиеся на научную базу, обращается в свою противоположность, становится недостатком, разрушающим стабильность законодательства, которая является, пожалуй, даже более важным, чем изменчивость, условием его эффективности.

Причинами отмеченных противоречивых тенденций выступают, по мнению В.К. Дуюнова, незнание, забвение, а в каких-то случаях и сознательное игнорирование лицами, готовящими и принимающими сейчас многочисленные законодательные новеллы, лежащих в основании уголовного права важнейших исходных положений, касающихся его социального назначения, целей, задач и принципов, имеющих обязательное значение для всякого реформирования законодательства, которые никак нельзя игнорировать ни при совершенствовании законов, ни при их применении, настолько они важны.

Учитывая вышеизложенное, имеет, видимо, смысл акцентировать внимание (прежде всего законодателя) на важнейших из таких положений.

1. Проблема преступности сложна и многопланова, причины ее глубоки и многообразны. Противодействие такому противнику не может быть поверхностным, бессистемным и случайным (до кого руки дотянутся), каким оно, к сожалению, фактически является. Полумерами, в частности только изменениями в законодательство, как это у нас в основном практикуется, с этой задачей не справиться.

2. Роль уголовного закона в противодействии преступности не следует недооценивать, но нельзя и переоценивать. Это – необходимый и очень важный социальный инструмент, однако не единственный в деле противодействия

преступности и отнюдь не главный. Неправильно ставить перед уголовным законом цели и задачи, не вытекающие из его социального назначения и не учитывающие его специфической направленности и возможности: искусственного (без учета криминальной ситуации сокращения “тюремного населения”) пополнения государственного бюджета, извлечения материальной выгоды из труда осужденных и т.п.

3. Эффективность уголовно-правового реагирования на преступления предполагает прежде всего установление в уголовном законодательстве единой и стройной системы уголовно-правовых целей и задач, которая адресовала бы правильно и точно сформулированные ориентиры как законодателю, так и правоприменительным органам, определяла характер и направленность всех усилий государства по их реализации. Действующий уголовный закон такой единой стройной системы целей не предусматривает.

4. Важнейшее значение для обеспечения реальной безопасности общества от преступных посягательств имеют принципы отечественного уголовного права. Им должны соответствовать как уголовное законодательство, так и правоприменительная практика. Игнорирование их законодателем открывает лазейки как для ухода виновных от уголовной ответственности, так и для необоснованного привлечения к ней невиновных.

5. Важнейшая задача законодателя, вытекающая из ч. 2 ст. 2 УК РФ, – определение научно обоснованной и эффективной системы мер реагирования на преступные проявления, способной обеспечивать гибкий, наиболее целесообразный подход к реагированию на каждый случай совершения преступлений, где каждая мера – на своем месте, в которой нет ни пробелов, ни излишних компонентов. В решении и этого вопроса нет необходимых логической завершенности, стройности и последовательности.

Со всей очевидностью проявляется потребность в формировании единой, научно обоснованной и грамотно реализуемой государством (при безусловном и активном участии общественности, институтов гражданского общества) политики, определяющей стратегию и тактику противодействия преступности, чтобы перейти от недостаточно организованных, нескоординированных, разрозненных и не всегда обоснованных действий государственных органов к основанной на единой концепции политике высокоорганизованного сопротивления преступности.

В докладе *“О нормативности юридической ответственности”* зав. кафедрой теории государства и права Тольяттинского госуниверситета, доктор юрид. наук, проф. Д.А. Липинский отметил, что исследовать нормативность юридической ответственности можно с широких и узких позиций, так как понятие “юридическая ответственность” можно употреблять в различных значениях: во-первых, юридическая ответственность как институт права (совокупность норм, регулирующих качественно однородные общественные отношения), во-вторых, юридическая ответственность как правовое явление – нечто производное от правового воздействия норм юридической ответственности, включающее в себя субъективные юридические обязанности, правомерное поведение, правоотношения, осуждение и реальное претерпевание неблагоприятных последствий правонарушителем.

Юридическая обязанность, правомерное поведение, чувство долга, поощрение в определенной степени характеризуют позитивную юридическую ответственность. Они нормативны по своей сущности. Правомерное поведение нормативно, так как строится по эталону (образцу), предусмотренному пра-

вовой нормой, но нормативность правомерного поведения производна от нормативности, которая заложена в правовой норме. Структурный анализ правовой нормы показывает, что в ней заключена модель ответственного поведения (поступка) субъекта, поскольку содержится указание не только на то, как нужно, можно или нельзя поступать в гипотетически определенной ситуации, но и на то, что последует (положительное или отрицательное) за этим для него.

Применение мер поощрения за заслуги объективирует позитивную ответственность, как объективируется и государственно-принудительная ответственность в наказании. Поощрение носит нормативный характер, так как оно предусмотрено правовой нормой. Это относится и к юридической обязанности, так как обязанность сформулирована в норме, предусматривающей юридическую ответственность.

В зависимости от типа правового регулирования и поставленных задач правомерное поведение может обеспечиваться принуждением, убеждением или поощрением. Юридическая ответственность не может только запрещать. Она позволяет и совершать необходимые для общества действия. Более того, совершение их не только допускается, но и гарантируется государством. Эффективное управление обществом, организующее деятельность людей, обеспечивается с помощью активных способов воздействия – убеждения, поощрения, принуждения.

Причем юридическая ответственность необходима не только в реальных общественных отношениях, требуется ее закрепление и в правовых формах, в нормативно-правовых актах, так как без закрепления ответственности в правовых формах она не обретет качеств юридической ответственности, а будет являться одним из видов социальной ответственности. Как обязательно наличие самой юридической ответственности, так обязательно и выполнение ее требований, которые реализуются в регулятивных и охранительных правоотношениях.

Нормативностью отличается само правомерное поведение как динамическая стадия позитивной юридической ответственности. В правомерном поведении норма юридической ответственности находит свою объективацию: изначально оно предусмотрено нормой юридической ответственности. Поэтому правомерное поведение нормативно и обладает ценностью для общества и государства.

Нормы юридической ответственности призваны упорядочить общественные отношения. Их основное предназначение состоит в формировании ответственного взаимоотношения субъектов общественных отношений и вытеснении чуждых цивилизованному обществу связей. Посредством правового воздействия со стороны норм юридической ответственности общественные отношения приобретают нормативный характер, отличающийся таким признаком, как ценность для общественного развития, а повторяемость и привычность правомерных действий приводят к устойчивым социальным связям.

В докладе *“Наказание и талион в системе становящейся правовой реальности и кризисного правосознания”* профессор Магнитогорского госуниверситета, доктор филос. наук, заслуженный деятель науки РФ С.Л. Слободнюк заявил, что с момента крушения СССР общественное сознание пребывает в далеком от гармонии состоянии. Это находит свое отражение и в правосознании, и в правовой реальности, бытийные основания которой постоянно изменяются под влиянием процессов, нередко имеющих химерическую природу. Учитывая данное обстоятельство, мы предлагаем рассмотреть, какую роль в современном пра-

вовом континууме играют талион и наказание, исторически зарекомендовавшие себя эффективными инструментами для обеспечения устойчивого развития правового универсума (правомерность чего подтверждается Ведами, законами Хаммурапи, законодательством Моисеевым и т.д.).

А Василий Великий указывал, что онтологические основания талиона восходят к дням Творения. Согласно Р. Г. Апресяну талион выполняет регулирующую функцию, осуществляемую путем угрозы, а “стандарт справедливости, предполагаемый талионом, – ситуативен в своем приложении, однако как принцип действия он надсубъективен и универсален”. Таким образом, можно предположить, что талионическая атрибутика находит свое воплощение на разных уровнях правовой реальности и правосознания, в том числе связанных с принципами *nullum crimen sine poena, nulla poena sine lege, nullum crimen sine poena legāli*.

Исследование в названном ракурсе библейского правового континуума позволяет выделить два возможных сценария: “эдемский” и “апостольский”. В первом случае налицо гармоничное поступательное развитие и отсутствие деструктивных потенций. Приговор, выносимый Яхве родителям, представляет собой развернутую декларацию на тему “Нет преступления без наказания”. Причем *талионический компонент* присутствует практически в каждом пункте гневных речений. Непременность принципа *nullum crimen sine poena* затем закрепляется судьбой Каина и находит развитие во всей ветхозаветной истории. А постулаты “нет наказания без закона” и “нет преступления без законного наказания” прописаны уже в законодательстве Моисеевом (Лев., 20:1–27). При этом в основе наказания, как правило, обнаруживается не талионический компонент, а *принцип талиона* (Лев., 20:20–21). Следовательно, исторически одна из главных функций талиона – обеспечение гармонии абсолютных оснований правовой реальности с их проявлениями, как необходимыми, так и случайными.

Развитие событий по “апостольскому” сценарию описано в истории гибели Анании и Сапфиры (Деян., 5:1–5, 7–10). Гармония между талионом и тремя “*nullum...*” в данном случае формальна. Экзегеза приравнивает проступок жадных супругов к нарушению заповеди о лжесвидетельстве на ближнего своего, после чего, проведя аналогию между мотивами данного “преступления” и преступления Иуды, обвиняет Ананию с Сапфирой уже в *лжесвидетельстве перед божеством* и, таким образом, полностью оправдывает жестокость кары. При этом: 1) проступок новоявленных христиан переводится в разряд преступления *по аналогии*; 2) в “Деяниях” открыто говорится о *праве* Анании *свободно распоряжаться собственностью*; 3) законность свершившейся кары по сути обосновывается той же аналогией, что и преступность деяния неопитов. Отсюда вывод – в рассмотренном случае талион выступает единственным *принципом существования* новой правовой реальности, актуализируя в ней прежде всего свои карательные потенции.

Таким образом, в кризисные периоды талион карательной сутью своей входит в активное противоречие с действующим правовым полем, и в итоге принцип *собственно возмездия*, преобладая над принципом возмездия *равным за равное*, создает основания для морального оправдания “двоемыслия” в области, где происходит актуализация принципов *nullum crimen sine poena, nulla poena etc.* Эти обстоятельства несут в себе реальную угрозу, поскольку в диалектической оппозиции “правосознание/правовая реальность” именно правосознание выступает в качестве первичной сущности, парадоксально восприимчивой к сторонним влияниям.

В докладе “*Нормативно-правовое регулирование уголовно-процессуального принуждения*” зав. кафедрой уголовного процесса и криминалистики Тольяттинского госуниверситета, канд. юрид. наук, доц. С.И. Вершинина обратила особое внимание на то, что уголовно-процессуальное принуждение представляет собой нормативное образование, состоящее из норм уголовно-процессуального права (норм принуждения), организованных и упорядоченных между собой в логически-определенной последовательности. В системе уголовно-процессуального права нормы принуждения (институт принуждения) образуют дополнительный слой правового регулирования, обеспечивающий своевременное и качественное исполнение регулятивных норм уголовно-процессуального права.

Нормы уголовно-процессуального принуждения – это правовые предписания, закрепляющие вид, объем и содержание государственно-принудительного воздействия, а также правила, порядок и условия его применения к участникам судопроизводства в целях обеспечения исполнения их процессуальных обязанностей.

С учетом различий в содержании и структуре, нормы принуждения можно классифицировать на две группы: материальные нормы принуждения, закрепляющие меру принуждения; процессуальные нормы, определяющие порядок формирования оснований для применения меры принуждения.

Материальные нормы уголовно-процессуального принуждения устанавливают причинно-следственную связь модели поведения участника судопроизводства с мерой принуждения. В структуре материальной нормы выделяются три элемента, организованных в следующей последовательности: 1) диспозиция – модель поведения участника; 2) гипотеза – условия применения меры принуждения; 3) санкция – мера принудительного воздействия. Материальные нормы принуждения адресованы субъектам принуждения, но реализовываться ими самостоятельно не могут. Реализация материальных норм осуществляется государственно-властными лицами при наличии установленных законом оснований и проявляется в применении к субъекту принуждения мер принудительного воздействия.

Процессуальные нормы принуждения определяют порядок формирования (установления, подтверждения) фактических и правовых оснований для реализации материальных норм. В содержании процессуальных норм заключена модель будущего правоотношения: юридический факт, вызывающий возникновение правоотношения; состав участников; объем их прав и обязанностей; последовательность выполнения ими правовых действий. Структурно процессуальная норма состоит из двух элементов: 1) гипотезы – условия реализации нормы (использования прав и обязанностей); 2) двухсоставной диспозиции – полномочия должностного лица и корреспондирующего ему поведения (обязанности, права) другого участника. Процессуальные нормы адресованы должностным лицам, обладающим специальными полномочиями. Их реализация осуществляется посредством совершения ими действий и/или принятия решений.

В выступлении на тему “*Финансовая ответственность как средство реализации финансово-правовой политики*” доцент кафедры теории государства и права Тольяттинского госуниверситета, канд. юрид. наук А.А. Мусаткина отметила, что финансово-правовая политика является одной из разновидностей правовой политики в целом. Финансово-правовую политику можно определить как научно обоснованную, последовательную и системную деятельность госу-

дарственных органов по созданию эффективного механизма финансово-правового регулирования цивилизованному использованию юридических средств в целях реализации экономических прав и свобод человека и законных интересов государства. Мы стремимся показать, во-первых, насколько цивилизованным и научно обоснованным является использование юридической ответственности для целей реализации эффективного функционирования механизма правового регулирования и, во-вторых, действительно ли финансово-правовая ответственность соответствует целям обеспечения прав и свобод человека и принципам юридической ответственности в целом.

Санкции, установленные в нормативных актах ЦБ РФ за валютные правонарушения, противоречат действующему законодательству и положениям теории юридической ответственности. Во-первых, Банк России не наделен полномочиями вводить в своих нормативно-правовых актах новые составы финансовых правонарушений и санкции за их совершение. Во-вторых, большинство санкций являются абсолютно определенными, и их размер связан с суммой валютной выручки. Нам это напоминает принцип талиона, явно не соответствующий современному уровню правовой культуры. Конституционным Судом РФ неоднократно подчеркивалось, что санкции должны соответствовать принципу соразмерности, степени общественной опасности правонарушения и принципу индивидуализации. Мы не против строгих мер за совершение валютных правонарушений, но они должны соответствовать принципам юридической ответственности и устанавливаться в законах, а не в подзаконных актах.

Анализ санкций за совершение налоговых правонарушений показывает, что большая их часть является абсолютно определенной. Таким образом, финансовые санкции за совершение налоговых правонарушений носят альтернативный и абсолютно определенный характер и не позволяют индивидуализировать финансовую ответственность правонарушителя, что одновременно нарушает и принцип справедливости юридической ответственности.

Мы считаем, что в целях гуманизации и совершенствования финансово-правовой политики действующее финансовое законодательство должно идти по следующему пути развития: во-первых, установление альтернативных и относительно определенных санкций, позволяющих индивидуализировать финансовую ответственность, что соответствовало бы принципам индивидуализации и справедливости, а не принципу талиона; во-вторых, регламентация финансовых санкций только на уровне законов, а не ведомственных нормативных актов, что соответствовало бы принципу законности.

В докладе *“Запреты и ответственность как средства правовой политики в сфере ограничения органов государственной власти”* зав. кафедрой юридических дисциплин гуманитарно-юридического колледжа Оренбургского госуниверситета, канд. юрид. наук О.С. Вырлеева-Балаева заметила, что в последнее время в Российской Федерации всё активнее идёт процесс формирования правовой политики в различных сферах, в том числе в сфере ограничения органов государственной власти. Эта потребность назрела в связи с тем, что общество не только осознало неэффективность используемых методов организации и осуществления государственной власти, но и требует их всестороннего изменения.

Рассмотрим подробнее такие средства правовой политики, как запреты и ответственность. Ведь именно они способны достаточно быстро и наиболее эффективно изменить

сложившуюся в данной сфере ситуацию. Исследование этих средств в единой связи не случайно. Запрет всегда должен быть подкреплен мерой юридической ответственности, иначе его введение в систему права бессмысленно. Запреты можно определить как государственно-властные сдерживающие средства, которые под угрозой ответственности путем требования воздержания от совершения определенных противоправных действий должны предотвращать противоправные деяния, причиняющие вред как личным, так и общественным интересам. Являясь одним из самых древних инструментов регулирования общественных отношений, запрет и сейчас не утратил своего значения, однако в отношении власти имущих запрет до недавнего времени использовался неохотно.

Главная цель запрета – удержать от неправомерного поступка, не допустить его и тем самым способствовать поддержанию нормального состояния общественных отношений. При этом использование запретов может создавать для чиновников различные режимы. Режим, основанный на принципе “все запрещено, кроме того, что прямо разрешено”, ставит перед должностным лицом достаточно жесткие рамки, сужающие его свободу действий и удерживающие чиновника от широкой возможности “собственного усмотрения”, которое зачастую и приводит к злоупотреблениям должностными полномочиями. Применение формулы “все разрешено, кроме того, что прямо запрещено”, напротив, раздвигает такие рамки. Это позволяет представителям власти в ряде случаев оперативнее реагировать на потребности конкретных лиц и быстрее разрешить ту или иную ситуацию.

Ответственность является обеспечительным средством для других ограничений, в том числе запретов, и выражается в необходимости субъекта претерпевать неблагоприятные последствия за совершенные правонарушения. Меры юридической ответственности занимают особое место в системе правовых ограничений: во-первых, они выступают гарантирующим средством, во многом обеспечивающим иные правовые ограничения государственной власти; во-вторых, в определенной мере становятся логически завершающим юридическим инструментом в системе правовых ограничений (на уровне санкций); в-третьих, являются наиболее “болезненным” для чиновников, ибо связаны с наступлением неблагоприятных последствий. Только наличие мер юридической ответственности делает запрет эффективным средством правового регулирования, хотя в российском законодательстве нормы, содержащие ограничения для государственных служащих, часто остаются без санкций, что превращает их в пустую декларацию.

Серьезной проблемой, не позволяющей эффективно применять нормы, устанавливающие юридическую ответственность должностных лиц, является излишний правовой иммунитет. Согласимся с точкой зрения А.И. Бастрыкина, который предложил упростить порядок привлечения к ответственности лиц с особым правовым статусом. В гл. 52 Уголовно-процессуального кодекса РФ необходимо внести поправки, касающиеся процедуры согласования при привлечении к уголовной ответственности должностных лиц, обладающих иммунитетом. Такая процедура и лишение их полномочий могли бы применяться только в том случае, если преступления совершены должностными лицами в связи с исполнением возложенных на них полномочий.

В докладе *“Частноправовая юридическая ответственность”* доцент кафедры теории и истории государства и права Казанского (Приволжского) федерального университета, канд. юрид. наук Д.Н. Горшунов подчеркнул, что идущие в России процессы развития институтов частного

права вызывают необходимость введения в законодательство новых механизмов юридической ответственности тех или иных субъектов частных отношений. Выделение и исследование специфики юридической ответственности в отраслях частного права будет способствовать более детальному изучению данного явления, позволит установить ее общие и особенные черты применительно к публичному и частному праву, окажет в конечном счете положительное влияние на развитие последнего.

Безусловно, юридическая ответственность приобретает иное значение в отраслях частного права, где проявляются особые черты и характер юридической ответственности, позволяющие выделить ее как вид. Однако, к сожалению, среди правоведов нет единства в понимании не только ее содержания, но даже общих критериев, позволяющих отграничить ее от иных видов ответственности.

Юридическая ответственность в частном праве имеет существенные особенности, позволяющие выделить ее в самостоятельную юридическую категорию. Отличительным признаком частного права является диспозитивность большинства его норм. Рассматривая диспозитивность норм, следует заключить, что из норм частного права диспозитивны только те, где в диспозиции нормы содержится юридическая возможность волеизъявления субъекта и влияния этого волеизъявления на правовую судьбу правоотношения. Иначе говоря, правовые последствия ставятся в зависимость от поведения самого участника правоотношения. Нормы-санкции в частном праве допускают волеизъявление сторон таких отношений, и применение к правонарушителю юридической ответственности осуществляется по усмотрению управомоченного субъекта, хотя и в русле, определенном публичной властью.

Публично-правовую ответственность правонарушитель всегда несет перед государством, тогда как в частном праве правонарушитель или ответственное лицо привлекаются к ответственности перед потерпевшим субъектом, будь то гражданин, юридическое лицо либо государственный орган (как участник частных правоотношений).

Ответственность за правонарушения в сфере публичного права всегда несет виновное лицо, тогда как обязанность претерпевать определенные лишения, связанные с правонарушением в частном праве, может быть возложена на лицо независимо от его вины. Правило о вине как условии ответственности в частном праве является диспозитивным. Законом или договором может быть предусмотрено, что ответственность лица, нарушившего обязательство, наступает независимо от его вины. Так, согласно п.1 ст. 401 ГК РФ лицо, не исполнившее обязательства либо исполнившее его ненадлежащим образом, несет ответственность при наличии вины (умысла или неосторожности), кроме случаев, когда законом или договором предусмотрены иные основания ответственности.

В отличие от публичного права, по которому ответственность несет сам виновный в правонарушении, диспозитивный характер норм частного права допускает возможность перенесения обязанности нести ответственность за совершенное правонарушение непосредственно с правонарушителя на иных лиц, которые на законных основаниях должны понести неблагоприятные последствия за действия виновного лица.

В выступлении на тему *“Правовая политика в сфере наказаний: критерии эффективности”* ученый секретарь Саратовского филиала ИГП РАН, канд. юрид. наук К.Е. Игнатенкова говорила о необходимости формирова-

ния правовой политики в сфере наказаний, которая должна быть обоснованной и продуманной, ориентироваться не только на скорый результат, но и на перспективу, иначе это чревато серьезными негативными последствиями. Некоторые механизмы (например, установление “завышенной” ответственности, не соответствующей тяжести нарушенных норм наказания, за нарушение запрета или неисполнение обязанности), несмотря на их действенность в плане достижения ближайшего, “поверхностного” результата, входят в противоречие со стратегическими целями воспитания и управления, что в конечном счете может свести на нет весь положительный эффект.

Главный критерий правовой политики в сфере наказаний – неотвратимость наказания, а не его чрезмерная суровость. Такой важнейший показатель, как мощность (эффективность) стимула, определяется в зависимости от вероятности наступления последствий. Когда в качестве стимула выступает юридическая ответственность, наказание за неправомерное поведение, это правило применимо в полной мере. Эффективность данного вида норм зависит не только и не столько от жесткости санкций, сколько от обязательности привлечения виновного к ответственности, обязательности назначения наказания за совершенное правонарушение. Даже самые строгие санкции не станут мотивом, останавливающим индивида на пути совершения преступления, если он знает, что возможность их наступления, другими словами – вероятность привлечения его к ответственности и понесения заслуженных наказаний крайне невелика.

В докладе *«К вопросу о необходимости выделения категории “позитивная юридическая ответственность”»* старший преподаватель кафедры теории и истории государства и права юридического факультета Ульяновского госуниверситета, канд. юрид. наук С.В. Смирнов заметил, что проблема трактовки понятия “юридическая ответственность” длительное время является предметом активных исследований в отечественной юридической науке. В частности, одним из центральных дискуссионных вопросов выступает необходимость выделения категории “позитивная юридическая ответственность”. Однако до настоящего времени единой, общепринятой точки зрения так и не выработано. Сложились три основных подхода к указанной проблематике. Первый из них довольно четко определен А.С. Бондаревым, по мнению которого юридическая ответственность представлена исключительно в позитивном аспекте. Второй подход объединяет представителей так называемой двухаспектной теории юридической ответственности. М.С. Строгович, в частности, отмечает, что юридическая ответственность представляет собой “прежде всего ответственное отношение человека к своим обязанностям, ответственность за правильное выполнение лицом возложенных на него законом обязанностей... Если же обязанность не выполнена, наступает ответственность в ее, так сказать, негативном значении – принуждение, взыскание, наказание и т.п.”². Представители третьего подхода признают существование только так называемой ретроспективной (негативной) юридической ответственности. По мнению выступающего, наиболее взвешенной и научно обоснованной представляется теория двухаспектной теории юридической ответственности. Выделение категории позитивной юридической ответственности является важным инструментом правового познания, обогащает понятийный аппарат не только общей теории государства и права, но и отраслевых юридических наук.

² Строгович М.С. Сущность юридической ответственности // Сов. гос. и право. 1979. № 6. С. 73.

В докладе *“Правовая политика в сфере юридической ответственности как гарантия реализации конституционных прав и свобод личности”* декан юридического факультета Ульяновского государственного педагогического университета, канд. юрид. наук С.Т. Артемова отметила, что правовая политика – это сфера деятельности государства в вопросах правового регулирования отношений в обществе, это организующее и направляющее начало всей правовой жизни. В рамках построения правового государства, коим мы себя позиционируем, проблема эффективной правовой политики является определяющим фактором развития российского общества. Как ошибки учителя трудно увидеть сразу, так и неверная стратегия правовой политики государства может прорасти трагическими последствиями через десятки лет.

За последние два десятилетия, нужно признать, проведена очень большая работа. Позитивные тенденции в развитии современной правовой жизни общества очевидны: сформированы новые основы как экономической, так и политической системы, более или менее упорядочен процесс вносимых изменений в законодательство. Однако по-прежнему отечественному законодателю недостает системности, плановости, а проблемы стратегии правовой политики становятся острыми, как никогда. Все еще недостаточен уровень профессионализма, особенно субъектного законодательства, недооценивается научный подход в формировании юридической стратегии, отсюда – отсутствие глубокого анализа и, соответственно, ошибочные пути в планировании.

Одним из важнейших направлений повышения эффективности развития правового поля на сегодняшний день представляется сфера ответственности. Это – серьезная проблема для большинства существующих законов. На протяжении многих лет законодатель старательно и корректно обходил вопросы ответственности, и это понятно: главный принцип – не навреди! В России очень хорошо известны перегибы в ту или иную сторону. Не будет большой беды предоставить больше прав и гарантий, но создание ситуации вседозволенности для карательных органов, недостаточно четко прописав алгоритм ответственности, чревато серьезными последствиями.

В науке данной проблематике посвящено много серьезных исследований. Однако на практике мы сталкиваемся с тем, что правовая ответственность – во многом пробельная сфера. При этом отсутствие законодательного закрепления ответственности – реальный путь к правовому нигилизму, неуважению закона, неверию в силу государства.

До сих пор во многом дискуссионным остается вопрос об ответственности законодательного органа субъекта при принятии незаконного акта: сложный случай – установление виновного лица, а соответственно, и ответственности при отмене незаконного судебного акта. В избирательном законодательстве нет четких формулировок на предмет ответственности ряда участников избирательного процесса при нарушении ими законодательства.

Каждая из обозначенных тем может стать поводом к отдельному разговору и подтверждает насущность и актуальность проблемы ответственности в отечественном законодательстве. В настоящее время институт ответственности динамично развивается, многие правовые направления только в последние годы обретают свои реальные санкции, которые поступательно закрепляются в законодательстве, но процесс далек от завершения.

В докладе *“Соотношение юридической ответственности и санкции в частном праве”* ассистента кафедры

теории и истории государства и права Казанского (Приволжского) федерального университета Т.Г. Окришвили было обращено внимание на то, что, исходя из понимания большинством исследователей юридической ответственности как установленной законом обязанности претерпевать определенные лишения, которую несет правонарушитель, вытекает связь юридической ответственности с санкцией правовой нормы. В научной литературе и законодательстве термин “санкция” весьма широко употребляем. Зачастую термин “юридическая ответственность” просто отождествляется с термином “санкция” либо употребляется как равнозначная ей категория.

Между тем юридическая ответственность – явление многогранное, получающее свое выражение и закрепление в самых разнообразных источниках: санкциях правовых норм, правоприменительных актах, непосредственном претерпевании правонарушителем государственного принуждения и т.д.

Следует подчеркнуть, что система источников закрепления юридической ответственности в отраслях частного права охватывает не только нормы права, содержащиеся в законах и подзаконных актах, но также индивидуальные правовые договоры и односторонние правовые акты субъектов частного права. Юридическая ответственность в частном праве может не только предусматриваться санкциями норм частного права, но и быть установленной также по волеизъявлению самих участников частноправовых отношений. Вместе с тем, закрепленные законом принципы автономии воли сторон и свободы договора предоставляют сторонам возможность ограничить или вообще исключить ответственность за неисполнение договора (кроме случаев умышленного неисполнения). Такое положение не случайно, поскольку автономия воли сторон не безгранична. Она скована императивными нормами, которые призваны охранять, как правило, более слабую сторону в договоре от злоупотреблений другой стороны, а также обеспечивать соблюдение публичного правового порядка, добросовестность и стабильность гражданского оборота.

В выступлении на тему *“Социальная ответственность государства в сфере юридического образования”* зав. кафедрой теории и истории государства и права Ульяновского госуниверситета, доктор юрид. наук, проф. Н.Н. Арзамаскин заявил, что история последних 20 лет показала сложность развития российского общества. Резкий переход от планового хозяйства к рыночному, сопряженный с коррупцией и открытыми хищениями, значительное имущественное расслоение, общий низкий уровень жизни свидетельствуют о наличии системного кризиса общества и государства.

Первостепенная задача человеческой цивилизации современности – это инвестиции в человека, в образование и науку. Данная задача выполнима тогда, когда государство определится в идеологии высшей школы. Споры, которые идут вокруг судеб образования в России, имеют много аспектов. Объективный методологический анализ современного российского образования свидетельствует о том, что мы имеем дело со множеством “образований”. В современной России функционируют около 1200 вузов, выпускающих специалистов в области юриспруденции. Появление такого количества учебных заведений объясняется либерализацией всей социально-экономической и политико-правовой жизни российского общества. Логика государства 90-х годов прошлого столетия исходила, по всей видимости, из того, что достаточно увеличить количество вузов и выпускников-юристов – и это автоматически отразится на правовой культуре и минимизации правонарушаемости в обществе, позитивно

повлияет на процесс формирования правового государства, защиты прав и свобод человека и гражданина, установление цивилизованных рыночных отношений и др. За истекший период времени ситуация кардинально не изменилась.

Таким образом, сегодня обнаруживается настоящая потребность в том, чтобы профессионально и объективно обсудить вопросы состояния и дальнейшего развития высшей школы и социальной ответственности государства в сфере развития юридического образования в современной России. Нельзя не видеть, что существующая система высшего юридического образования оказалась далеко не готовой к новым запросам как по количеству, так и по качеству выпускаемых специалистов. Предположу, что юридическое сообщество современной России базируется на псевдолиберальных ценностях, ориентировано на обслуживание узкогрупповых интересов. Современный же юрист в силу своего предназначения призван искать и находить пути и средства реализации принципов, на которых основаны государство и право, повышать эффективность их функционирования. На этой идее и следует вести образование и воспитание современных юристов.

Полагаем, что сегодня настало время радикально пересмотреть наши представления о якобы преимуществе либерализации общественных отношений, полном уходе государства из экономики, здравоохранения, образования и других сфер социальной жизни, делая при этом ставку на саморегуляцию. Было бы большой ошибкой и сегодня отождествлять всякое государственное регулирование с утверждением бюрократии и администрирования.

Какие бы изменения ни происходили в нашем обществе и государстве, нельзя отходить от тех традиций, которые наработаны предыдущими поколениями. Об этом следует всегда помнить хотя бы потому, что практическая деятельность судов, прокуратуры, полиции, других юридических ведомств и служб тесно переплетается с этическими, нравственными аспектами, характеризующими действия, поступки юристов. В условиях радикальных рыночных реформ на месте системы национального юридического образования сложилась эклектика квазигирического просвещения, что не отвечает потребностям общества. Перепроизводство выпускников с дипломом специалиста, бакалавра, магистра в конечном счете дискредитирует профессию юриста.

Современное Российское государство обязано быть социально ответственным и в деле подготовки современных юристов. Не количество денег должно стать критерием образования, а нравственные и гуманистические принципы формирования нового мировоззрения юристов.

Обзор подготовили:

Александр Васильевич Малько, главный редактор журнала «Правовая политика и правовая жизнь», доктор юрид. наук, проф., заслуженный деятель науки РФ; (E-mail: igp@sgar.ru);

Дмитрий Анатольевич Липинский, зав. кафедрой теории государства и права Тольяттинского госуниверситета, доктор юрид. наук, проф.